

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НЕБОЖИТЕЛЯХ ОСЕТИНСКОГО ПАНТЕОНА: УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

Сокаева Д.В.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания», Владикавказ, Россия (362008, PCO – Алания, Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

В статье рассматривается видение религиозной системы осетинской традиционной религии (ТОР) одним рассказчиком на примере двух устных рассказов о небожителях осетинского пантеона. При рассмотрении указанной темы мы затронули проблему определения статуса рассказывающего устный рассказ. Нами выделяется два уровня знания и передачи традиции: рассказчиком и сказителем. Ситуация возникновения сказителя и его «профессии» запечатлена в Нартовском эпосе осетин в цикле о Сырдоне, подарившем нартам двенадцатиструнную арфу. Устные рассказы сравниваются со сказанием, имеющим устоявшийся в осетинской традиции сюжет о небожителе Авсати. Определены нюансы иконографии небожителей Уацилла и Авсати. Индивидуальный компонент в осетинских устных рассказах о небожителях структурирует текст и имеет, как правило, эмоциональный характер. Трактовка характера небожителей в устных рассказах может отличаться от «канонической».

Ключевые слова: осетинский фольклор (ОФ), осетинская традиционная религия (ТОР), небожитель, устный рассказ, сказание, молитва.

ABOUT THE INDIVIDUAL REALIZATION OF REPRESENTATIONS OF INHABITANTS OF HEAVEN OF THE OSSETIAN PANTHEON: ORAL STORIES

Sokaeva D.V.

North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by V.I. Abaev, Vladikavkaz, Russia (362008, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, pr. Mira, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

The vision of religious system of the Ossetian traditional religion (TOR) by one story-teller on the example of two oral stories about inhabitants of heaven of the Ossetian pantheon is considered in article. In process of consideration of the specified subject we touched on the issue of definition of the status of the telling of the oral story. We allocate two levels of knowledge and tradition transfer: story-teller and scald. The situation of emergence of the scald and his "profession" is imprinted in the Nartovsky epos of the Ossetian in a cycle about Syrdon, presented to sledge a twelve-string harp. Oral stories are compared to the legend, having the known plot in the Ossetian tradition about the inhabitant of heaven Avsati. We identified features of iconography of inhabitants of heaven Uatsilla and Avsati. The individual component in the Ossetian oral stories about inhabitants of heaven structures the text and has, as a rule, emotional character. The treatment of character of inhabitants of heaven in oral stories can differ from "initial".

Keywords: Ossetian folklore (OF), Ossetian traditional religion (TOR), inhabitant of heaven, oral story, legend, prayer.

По своей сути каждый вариант известного народом фольклорного сюжета того или иного жанра является индивидуальной реализацией, поскольку этот вариант творит один рассказчик, если речь не идет о фольклорных произведениях, которые исполняются бóльшим количеством людей. В данной статье речь идет о совокупности мнений и традиционно закрепившейся системе религиозных представлений осетинского народа, называемой со стороны, в частности, исследователями духовной культуры осетин, осетинской традиционной религией (ТОР). По определению, как в любой религии, в осетинской традиционной религии определен пантеон небожителей: основной и расширенный за счет локальных культов. При наличии небожителей со строго обозначенными функциями в ТОР, иерархически выше них обозначен Бог (Хуцау).

Именно по поводу пантеона небожителей, как правило, бывают наиболее разговорчивы рассказчики. Если же статус рассказчиков фольклорных текстов, в частности, устных рассказов, теоретически повысить до статуса сказителей, то информация, получаемая от них, приобретает роль постулирования во времени и пространстве того оригинального, отличного от всех других взгляда на мир, его устройство и место в нем высших покровителей, который характерен только для осетин [5].

Наконец, нартский эпос осетин предлагает в сказаниях на тему «Как Сырдон украл корову Хамыца и как у нартов появился двенадцатиструнный фандыр» трагический вариант возникновения профессионального сказителя и его музыкального инструмента [1; 2; 6]. И как нам представляется, в данном случае уместна полемика с исследователями, которые говорят о «неосознанном типе авторства» (М.И. Стеблин-Каменский) в отношении всех жанров фольклора [4]. Что касается устных рассказов, то по определению, в них в большей степени, чем в других жанрах фольклора, реализуется личное отношение рассказчика к предмету повествования [9].

О внесении индивидуальных изменений в «каноническую» канву легенд и преданий мы уже писали в наших статьях [8]. Они неизбежны и при актуализации рассказчиком устоявшихся сюжетов легенд и преданий, но в меньшей степени. Сама диалоговая форма устного рассказа (имеется в виду диалог спрашивающего и рассказывающего) априори предполагает выражение/проговаривание личной позиции рассказчика по поводу той или иной темы.

Мы проанализировали два устных рассказа и одно сказание, рассказанные одним рассказчиком, Константином Алдатовым. Все три текста развивают тему небожителей, тем ярче проступают жанровые особенности устного рассказа. Приводим рассмотренные нами тексты в переводе на русский язык:

1. Авсати. «Авсати был покровителем зверей, который знал язык зверей, оленем. Когда-нибудь покровитель бывает молодым. Старый. Старый Авсати. Вон ему это сделали, в Алагирском ущелье (ущелье в Северной Осетии, имеется в виду памятник в Алагирском ущелье). Тот, на котором рога, это бывает зверь, это скот. С усами, стариком был. Покровитель зверей. Авсати, вот когда идем на охоту, на охоту мы, вот это Авсати. <...> (знак пропуска текста здесь и далее). Песня об Авсати такова, ее история. Это труды Коста (Коста Хетагуров), и когда когда-то был юбилей Коста, то поднесли мне там так, вот это (диктофон), и, мол, скажи что-нибудь о Коста. Скажу, клянусь Хуцау (Богом), говорю. Коста за свою жизнь даже не улыбнулся, постоянно причитал. Когда он запел? И сейчас говорят: «Песни Коста». Какую песню он спел? Ну вот, «пропадите вы, мои родимые горы, черным пеплом...». И постоянно он причитал. «Лучше бы я вас видел в виде черного пепла» (имеется в виду горы). И Коста природу, горы так красиво... Красоту осетинского языка показал Коста. Коста его обработал. (Рассказывает

стихотворение Коста (пояснения автора статьи здесь и далее). Если сейчас эту жизнь девять раз перевернуть в другую сторону, все равно останется Коста. Но современные писатели... Как будто завтра идем на охоту. Где встречаемся? Вон в Большом Дауском ущелье. Напротив него (Дауского ущелья) будем вас ждать. В этом месте. Это здесь наши ущелья, они. И в этом месте, тогда... охотники каждый что-то несет из своего дома. Питье, кусок мяса. Что-нибудь. Перед охотой кладут так и возносят молитву: «Ай, Авсати, благодать да будет с тобой. Пусть благодать будет и нам. Губа твоя в жиру. Ваша губа в жиру» друг другу говорят. Ну, если шашлык даст, то твоя губа не будет в жиру, в жиру. «Ваша губа в жиру» «Ваша губа в жиру». Тогда так. И тогда там бывает такое:

-Ты пройдишь по этому ущелью, другой вот здесь, впереди засядете вы, и вот начинается охота. <...>. Когда они что-то добывают, что-то, зверя: убивают оленя, вот кабана убивают, лань убивают, почему поют? Все песни бывают песнями о Уастырджи. Но прежде всего, посвящены Авсати:

«Ай, высоко сидящий Уастырджи (небожитель), табу (восклицание уважения), да съедим твои напасти!

Оу, просим тебя, просим тебя.

Мы молящиеся тебе.

Пошли часть своей благодати, Уастырджи, эй!» (Исп. К. Алдатов в с. Гизель. Архив автора статьи. Перевод Д.В. Сокаевой.)

2. Песня о Уацилла. «Песня Уацилла, она уже совсем пропала. Но как-то в день Уацилла мы были в горах на кувде, в день Уацилла, Тбау-Уацилла (покровитель Кобанского ущелья и одноименное святилище) Даргавса. И в этом месте, Дзиуга Быдтаты, он, и святилище Уацилла в этом месте, значит, каждый (принес) то, чем надо помолиться (по три пирога), и (Дзиуга Быдтаты) говорит им: «каждый пусть положит свои три пирога перед собой». Вот. И положили. «Ну, вознесем молитву, Хуцау, там, где ты есть, Хуцау, твое величество, просим у тебя хорошего и дай нам часть твоего хорошего. Ангелы и покровители, вы друг другу— братья, пусть ваше братство отразиться и на нас, Хуцау, дай исполниться этой молитве. Светлый Тбау-Уацилла, сегодня— твой день, обойди нас красиво, чтобы не было у нас плохих града и дождей, вот так нас благослови. Светлый Тбау-Уацилла, над Осетией, сыпля искрами, кружишь, отводишь от нас беду, счастье поворачиваешь в нашу сторону, чтобы наша Осетия была счастливой, настолько благослови нас». И (старший мужчина) такие молитвы произнес. Затем дал право женщинам забрать то, что они принесли для произнесения молитвы, и идите по своим, мол, домам, а мы, вот мужчины, останемся здесь. И тогда там мужчины разложили пироги. Если шли на кувд, то наша мать тоже с нами обычно бывала. Оказалась рядом со мной

и слушаю ее, и она поет песню в честь Тбау-Уацилла: клятва вошла в твой дом, вот говорю, чудо, я всегда улавливаю такие вещи. И в этом месте она как запоет:

«Йей, светлый Тбау-Уацилла, слава, да съедим твою болезнь, мы ждем тебя, твоей благодати, Чтобы промывали наше южное зерно, Тбау-Уацилла, благослови нас на это.

Из северного зерна чтобы пиво в больших котлах сварили,

Тбау-Уацилла, плохой град, плохой дождь,

Чтобы обошли стороной людей,

Вот такую благодать еще пошли.

Ангелы и покровителя!

Пусть мы будем под вашим всеобщим покровительством».

Вот так пела. Я это потом (песню) в село привнес, сюда в село. В село привнес, (когда) сидели - беседовали» (Исп. К. Алдатов в с. Гизель. Архив автора статьи. Перевод Д.В. Сокаевой.)

3. Сказание об Авсати. «И отправились три всадника в дальний поход. Отправились в дальний поход. И где-то наступил вечер, они остановились около кургана. Один из них говорит, пойдя к пастуху, пусть он нам на ужин даст посвященное животное. Так, один из всадников отправился к пастуху:

-Да будет у тебя много скота, хороший пастух.

-Пусть и тебя благословит Хуцау.

-Мы – путники, и если бы ты на ужин смог нам выделить посвященное животное.

Пастух спрашивает, мол, кто ты, что ты, какой ты. А он говорит так, я Фалвара (небожитель, покровитель домашнего скота), и, мол, пожалуйста. Пастух ему говорит так, мол, мне не за что тебя благодарить, у кого-то ты уничтожаешь скот, кому-то, значит, вот так плохие дела делаешь. Я тебе ничем хорошим не обязан. И (Фалвара) вернулся к своим друзьям ни с чем. Тогда другой, мол, дай-ка я сам пойду, и пошел, и, мол, да будет у тебя много скота, хороший пастух.

-Пусть и тебя благословит Хуцау, кто ты, какой ты?

-Я Уацилла, покровитель злаков. И ужин мы путники, и добудь нам что-нибудь для ужина, мол.

И ему так говорит:

-Уацилла злаков, и от тебя ничего хорошего не знаю, ты бьешь градом то, что посеяли люди, и другим делаешь несчастья. И он (Уацилла злаков) вернулся ни с чем.

Затем третий раз пошел (третий всадник), и тоже говорит пастуху:

-Да будет у тебя много скота, пастух.

Да будет доволен тобой Хуцау.

-Мы путники, и для дорожного ужина нам нужно посвященное животное.

И он (пастух) у него (Уастырджи) тоже спрашивает:

-А ты кто?

-Я Уастырджи.

И тогда он (пастух) так говорит, Уастырджи, в середине моей отары желтоухий жертвенный баран, и пусть он будет твоей добычей, ты, говорит, и <... > человеку помогаешь, ты и бедному человеку помогаешь.

И тогда он (Уастырджи) принес на ужин жертвенное животное. Они переночевали, а как же иначе. Затем дальше отправились, они шли в дом Авсати. И выполнили задачу сватов, а как же иначе, ведь давно намеревался это сделать сын Комая, один из его охотников. Он не понравился Авсати, и он (Авсати) ему так говорит:

-Какой-то никудышный охотник, (но) умеющий покорить сердце, поэтому. Она у меня одна, как ее ему отдать.

И не дал своего согласия (на брак). Тогда второй всадник, мол, дай-ка, я попробую, и он зашел в дом Авсати, постучал в дверь и так ему говорит:

-Я сват от сына Луны, он хочет с тобой породниться.

И Авсати ответил:

-Не получится, пожиратели Луны съедят мою единственную (дочь), и не дал согласия.

Тогда третий (всадник), и он обратился к нему (Авсати), мол, хотят породниться, сын Солнца хочет с тобой породниться, мол. И ему не дал своего согласия (Авсати).

Она у меня единственная, вдруг ее сожжет Солнце. Да. И он не получил положительного ответа.

Тем временем откуда-то из дремучего леса появился черный человеко-зверь, и дочь Авсати которую, ее выкрасть решил: так поймал ее человеко-зверь. Засунул ее себе под руку и украл ее, убегает с ней, значит. Причитает женщина, намотала свои длинные волосы на руки, вот так.

И Авсати который, он закричал, мою единственную (дочь) украл человеко-зверь, караул, где мои вещи (снаряжение). И тогда (все) всполошились, как же иначе, и сын Комая вызвался (на поиски). И спрашивает (у Авсати):

-В какую сторону идти искать, в какую сторону ее украли?

Показали ему дорогу, (вон) в тех ущельях он ее несет, мол. Сын Комая который побежал с крымским ружьем и догоняет, догоняет, как же иначе: так перед ним появляется олень с рогами. Охотник не выдержал и направил на него ружье, мол, выстрелю, когда увидел оленя, тогда. И, мол, выстрелю, а олень ему говорит:

-Не стреляй, хороший охотник. Я посвящен Уастырджи и не стреляй.

Пусть вылетают из дула твоего ружья золотые пули, если я тебе когда-нибудь понадобится, то я помогу тебе, говорит. Олень ему говорит, олень. Это сказания.

Ну, тогда я иду на поиски, и помоги мне, мол, сказал сын Комая.

-Иду на поиски и помоги мне, человеко-зверь украл дочь Авсати и надо, чтобы я его догнал. Садись-ка (на меня), мол, говорит. Олень посадил его на спину и понес от ущелья к ущелью. От ущелья к ущелью мчится и где-то наверху перед ними оказался (человеко-зверь). Оказался (человеко-зверь) перед ним (сыном Комая), как же иначе, и говорит (сын Комая) ему (человеко-зверю) наверх:

-Человеко-зверь, отпусти, она тебе не пара, она не тебе была предназначена.

Он так говорит:

-Нет, я буду с ней жить, я ее не отпущу.

И тогда сын Комая направил свое ружье, выстрелил в него, и от него (человеко-зверя) отлетели с левой стороны ребра, уничтожил он его. Да. Девушка спаслась и обняла сына Комая, и в глубине этого дремучего леса они назвались братом и сестрой. Назвались братом и сестрой. И так он ее привел в дом Авсати. И тогда ему Авсати говорит так:

-Ты спас мою единственную (дочь), и я отдаю ее тебе в жены, сын Комая.

А он так отвечает:

-Когда я ее по всем правилам сватал, тогда ты не согласился, он не счел его (сына Комая) достойным, когда он прислал сватов, а теперь я назвал ее своей сестрой, и это нельзя менять.

Авсати пообещал ему:

-Весь годовой приплод моих зверей пусть достаются тебе, и он не согласился.

Не согласился он. И там они назвались сестрой и братом. И до сегодняшнего дня они так и остались, сестрой и братом, сын Комая и дочь Авсати» (Исп. К. Алдатов в с. Гизель. Архив автора статьи. Перевод Д.В. Сокаевой.)

Черты, отличающие небожителя Авсати, покровителя диких зверей по устному рассказу такие: старый человек (подчеркивается антропоморфный характер образа); покровитель, которому посвящены обряды перед охотой. Устный рассказ К. Алдатова об Авсати выстраивается в «конфликтном» режиме. Он начинается критикой в адрес памятника Авсати в Алагирском ущелье: Авсати изображен в виде человека-оленья и молодым. К. Алдатов также опровергает мнение (неизвестно кого) о том, что Авсати понимает язык зверей. Затем обозначив свою позицию, он переходит на личность Коста Хетагурова (выдающегося поэта, писателя и общественного деятеля Осетии рубежа XIX–XX вв.), говоря о том, что и Коста касался темы небожителей в своих произведениях, но то, что он создавал, никак нельзя назвать песнями, настолько они грустные. В данном случае проявилась народная точка зрения на песню, как на произведение искусства, призванное прославлять и вдохновлять, но никак не оплакивать.

Что касается приведенного выше сказания этого же рассказчика, то его вторая часть (является ли сказание контаминированным, мы в этой статье не можем сказать) посвящена известной в

осетинской традиции истории сватовства сына Комая, знаменитого охотника (образ собирательный и обобщенный), к дочери Авсати и спасения им (сыном Комая) ее от человеко-зверя. То есть, речь идет об отношениях человека и небожителя: небожитель максимально приближен к человеку, достигаем, но его прерогативой является возможность даровать что-либо: удачу в охоте, годовой приплод зверей и т.д.

Черты, отличающие небожителя Уацилла, покровителя злаков, Громовержца осетинской мифологической традиции, такие: ему также посвящены обряды и святилища; в честь него отмечается календарный праздник; он спасает от стихийных бедствий (града, ливня), сыплет, как и полагается Громовержцу, искрами. Устный рассказ К. Алдатова о небожителе Уацилла построен по индивидуальной, спорадической схеме. Его можно назвать «Возрождение песни Тбау-Уацилла», и он связан с дорогим рассказчику образом матери, которая вознесла в качестве молитвы песню Тбау-Уацилла во время праздника, тогда как в селе эта песня уже не исполнялась, была забыта. В тексте звучит молитва и песня Тбау-Уацилла: их тексты практически идентичны.

В сказании «Сказание об Авсати» образ Уацилла описан кратко, он является одним из трех всадников, которые направляются к Авсати сватать его единственную дочь для своих подопечных. Из текста сказания не ясно, чьим сватом он является: сына Луны или сына Солнца. В ситуации, когда поочередно Фалвара, Уацилла и Уастырджи просят у пастуха около кургана жертвенного барана, предпочтение отдается Уастырджи, наиболее популярному в народе небожителю. Эта же симпатия, видимо, является причиной того, что чудесный олень «Сказания об Авсати», который помогает сыну Комая освободить дочь Авсати от человеко-зверя, тоже посвящен Уастырджи, тогда как норма традиции — чудесный (иногда, белый) олень, посвященный Авсати.

Таким образом, индивидуальные вкрапления в «канонические» тексты и тексты, рассказанные информантами по «своей» схеме, несомненно, являются результатом развития фольклора и способом его существования как устной традиции [3]. Другой способ сохранить устную традицию и передать следующему поколению – это заучивание устных текстов наизусть, что практиковалось в некоторых традициях [7]. Психология фольклорного творчества представляет собой перспективную область научных изысканий, потому что индивидуальная память рассказчика – недооцененный момент в фольклористике, во всяком случае, в осетинской фольклористике.

Список литературы

1. Бесолова Е.Б. О форме восприятия Нартов (на материале сказания «Гибель семьи Сырдона») // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2014. – № 1. – С.39-44.

2. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 687 с.
3. Ермакова Е.Е. Традиционные магико-медицинские знания: вопросник по сбору материала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 8. – С. 174-187.
4. Макаров С.С. Эпический жанр олонхо в аспекте соотношения устной и письменной традиций // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. – 2012. – Вып. № 133. – С.126-133.
4. Мамиева И.В. Сказитель и его функции: к вопросу об архаическом синкретизме // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова. Общественные науки. – Владикавказ, 2013. – № 2. – С. 174-180.
5. Нарты. Осетинский героический эпос: В 3 кн. Кн. 2. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 492 с.
7. Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). – М.: Наука, 1968. – 114 с.
6. Сокаева Д.В. Представления о пространстве в осетинском фольклоре: центр мира // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/115-12087> (дата обращения: 14.02.2014).
7. Черепанова Р.С. О некоторых проблемах и приемах работы с текстами устной истории // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т.13. – № 1. – С.80-85.

Рецензенты:

Гацалова Л.Б., д.фил.н., вед. науч. сотр. отдела осетинского языкознания, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.

Парсиева Л.К., д.фил.н., вед. науч. сотр. отдела осетинского языкознания, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.